

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Грамматчикова Мария Олеговна

**Мотивный комплекс моления о чаше в русской
поэзии 1930–1940-х годов**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Екатеринбург – 2021

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Снигирева Татьяна Александровна

Официальные оппоненты: **Барковская Нина Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственные педагогический университет», профессор кафедры литературы и методики ее преподавания.

Рогачева Наталья Александровна, доктор филологических наук, доцент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет», профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института социально-гуманитарных наук.

Семьян Татьяна Федоровна, доктор филологических наук, профессор, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет», заведующий кафедрой русского языка и литературы.

Защита состоится 23 июня 2021 г. в 11-00 на заседании диссертационного совета УрФУ 10.01.10 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, ком. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?d=12&rid=2185>

Автореферат разослан «...» мая 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Гефсиманское моление – один из важнейших в рецепции культуры сюжетов евангельской истории, поскольку дает возможность трактовки образа Христа как личности сложной, мятущейся и сомневающейся. Для искусства XX века обращение к ситуации «моления о чаше» открыто связано с постановкой вопроса об экзистенциальном одиночестве человека в момент выбора. Возможность проекции библейского мотива на русскую поэзию середины века осложнена неоднородностью, разновекторностью поисков. Особенностью литературной ситуации 1930–1940-х годов является не только одновременное осуществление ее в трех формах (подцензурная официальная литература, литература русской эмиграции и литература «духовного сопротивления» или «потаенная» литература), но и то, что эти десятилетия отмечены сложным взаимодействием, вплоть до столкновения, нескольких литературных поколений, духовные ценности и культурные традиции которых были принципиально различны.

Многообразие идеологических воззрений, художественных интенций и традиций, культурных и социальных поколенческих установок в избранный для исследования период позволяет показать, и в этом видится **актуальность работы**, константность и вариативность одного из самых устойчивых для культуры мотивного комплекса.

Научная разработанность темы. В последние десятилетия осуществилось возвращение «литературоведения к исследованию христианской проблематики русской литературы»¹, что во многом стимулировано как публикацией произведений авторов, дающих основания для анализа христианских основ их творчества, так и появлением в открытом доступе филологических работ религиознонаправленной направленности. Исследование библейских мотивов проводится применительно к поэзии и русской эмиграции

¹ Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. Петрозаводск, 1994. С. 8

¹, и советской России². Начата разработка трансформации библейской тематики в официальной поэзии³.

Целостная картина функционирования библейских мотивов в поэзии во всех формах существования литературы второй трети XX века пока только складывается. Отчетливо осознавая невозможность разового решения этой задачи, в настоящей работе мы ограничиваемся исследованием одного, но важнейшего для культуры евангельского мотивно-сюжетного комплекса, особо актуализированного экзистенциальным сознанием XX века. **Научная новизна** исследования мотивного комплекса моления о чаше в поэзии 1930–1940-х годов обусловлена, во-первых, анализом мотива моления о чаше, учитывающим его присутствие во всех пластах литературы предвоенного десятилетия и периода войны; во-вторых, тем, что материалом работы стало творчество не только ведущих, но и «фоновых» поэтов XX века, чья поэзия, не бывшая предметом отдельного исследования, не менее важная для характеристики рассматриваемой эпохи.

Для понимания смыслового наполнения Гефсиманского моления учитывался комплекс его толкований: богословское, философское, культурологическое и собственно филологическое. Богословское толкование Гефсимании опирается на идею антиномичности Христа, его двухприродной воли: человеческой и Божественной, вступивших в борьбу в Гефсиманском

¹ См.: Гуревич А. Л. Четыре волны русской эмиграции и их отношение к Православию // Альфа и Омега, 2003; Крейд В. П. Анстей Ольга Николаевна (1912–1985) // Новый исторический вестник. 2001; Овчинникова М. Н. Трансформация сакральных жанров в творчестве Е. Ю. Кузьминой-Караваевой: дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012; Струве Г. Русская литература в изгнании. 2-е изд. Paris, 1984; Яцуга Т. Е. Художественный мир З. Гиппиус в аспекте идей православной культуры // Вестник Томского гос. Пед. Ун-та. 2012 и др.

² См.: Бурдина С. В. Библейские образы и мотивы в поэме А. Ахматовой «Реквием» // Филологические науки. 2001. № 6. С. 3–12; Власов А. С. «Стихотворения Юрия Живаго» Б. Л. Пастернака (Сюжетная динамика поэтического цикла и «прозаический» контекст) // Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. 208 с.; Лейдерман Н. Л. Бремя и величие скорби («Реквием» в контексте творческого пути Анны Ахматовой) // Русская литературная классика XX века. Монографические очерки. Екатеринбург, 1996. 308 с.; Снигирева Т. А. Проблемы сакральной идентификации поздней Ахматовой // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2005. №3. С.76–90; Степун Ф. Б. Б. Пастернак // Сборник статей, посвященных творчеству Бориса Леонидовича Пастернака. Мюнхен: Ин-т по изучению СССР, 1962. 252 с.; Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма. М.: Радуга, 1991 и др.

³ См.: Даренский В. Ю. Война как духовная инициация: экзистенциальные архетипы в русской поэзии о Великой Отечественной войне // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2014 №1 (15) С. 90-110; Дашевская О. А. Поэзия Великой Отечественной войны: эстетика, проблематика, жанрово-стилевые тенденции. Томск, 2016. Кулябин А. И. Скубач О. А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М.: Языки славянской культуры, 2013; Лекманов О. Свердлов М. Для кого умерла Валентина? О стихотворении Эдуарда Багрицкого «Смерть пионерки» // Новый мир, 2017. №6;

саду. Богословие трактует Гефсиманское моление как последнее искушение дьяволом, где Христос пребывает «в смертельной тоске, в невыразимой муке сомнений и колебаний»¹, но побеждает голос искушителя силой молитвы. Значима мысль Ф. Болгарского, считающего, что описание смертной тоски и кровавого пота были необходимы, чтобы люди «уверовали, что Он был истинным человеком, ибо человеческой природе свойственно бояться смерти».² Богословие смотрит на этот сюжет как на возможность показать людям силу Божественной любви и попытку Христа преподать людям урок смирения. Современные священники (А. Сурожский) позволяют себе, оставаясь в рамках богословской традиции, говорить о трагичности Гефсиманского моления, называть его единственным моментом «обезбоженности», одиночества Христа³.

Если богословие акцентирует внимание на том, что за молением о чаше скрывалось (ником из учеников не услышанное) искушение Христа сатаной, то философская мысль сконцентрирована на чувствах страха и сомнения Богочеловека, уходя от идеи внешнего вмешательства. Историческая школа, представленная в трудах Д. Штрауса и Э. Ренана, освобождает образ Иисуса от мифологических наслоений, оставляя сильную личность в ситуации тяжелого выбора: «Испытанию его подвергает уже не искуситель-дьявол, а страшное предчувствие грядущих страданий и мучительной кончины»⁴. Экзистенциальная философия видит в Гефсиманском молении воплощение трагической двойственности человека. К. Ясперс замечает, что христиане «настолько твердо знали о границе человека, что видели ее даже в Богочеловеке. Человек не может всецело зависеть от самого себя. В силу этой непосредственности христиане в своих легендах даже святых считают способными отчаиваться и быть виновными»⁵. И чувство вины, и отчаяние, и страх смерти – экзистенциальные категории, свойственные человеку в

¹ Кинешемский В. Беседы на Евангелие от Марка. М.: Сибирская Благовонница, 2016. С. 728.

² Толкование на Святое Евангелие Блаженного Феофилакта Болгарского. М.: ЭКСМО, 2016. С. 865

³ Сурожский А., митр. Человек перед Богом / А. Сурожский. – М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2012. С. 56

⁴ Штраус Д. ф. Жизнь Иисуса. М.: Республика, 1992. С. 434

⁵ Ясперс К. Философия веры. М.: ИНИОН, 1990.

«пограничной ситуации», каковой является Гефсимания. Русская религиозная философия начала XX века актуализирует мысль о самопожертвовании Христа как о действии, вдохновляющем на со-распятие. Д. Мережковский, Н. Бердяев утверждают, что есть только одна необходимость – взять крест и идти. П. Флоренский убежден, что воплощение Бога в человека стало тем единственным возможным синтезом «трансцендентного и имманентного», которое «совершенно не может быть постигнуто разумом, а только должно быть осознано в антиномичности своей как истина веры»¹.

Культурологические и филологические исследования сосредоточены на анализе соприродности Христа человеческой сути, что в основном не противоречит каноническим толкованиям образа, но расширяет степень свободы размышления о смысле Гефсиманского моления, нередко включая его в проблемные контексты современности. Гефсиманское моление осмысливается как архетипический мотив выбора, который совершается в абсолютном одиночестве. Катастрофичность момента и в том, что выбор предрешен. Принять свою судьбу или отвергнуть ее, пить чашу до дна или отступить, взять крест, чтобы взойти на Голгофу или найти другой путь – таково культурное поле Гефсимании. «Словарь библейских фразеологизмов» определяет фразы «испить чашу до дна» / «да минует меня чаша сия» / «чаша скорби» как утвердившиеся в культуре константы «тяжелых жизненных испытаний, бедствий»², которые человек стремится, но не может избежать.

Для исследования стали принципиально важными два авторитетных суждения. Г. Померанц убежден в том, что история Христа – личная история каждого, и опыт Спасителя в Гефсиманском саду вскрывает драматизм соотношения своеволия и воли: «Не своеволие, а послушание высшей Воле, которая отнюдь не является чужой, внешней волей, она гораздо более своя, чем все своевольное»³. С. Аверинцев, соотнося католическую и православную традиции в осмыслении перехода от Гефсимании, Голгофы к Воскресению,

¹ Флоренский П. Сочинения в четырех томах. Том 1: работы 1903-1909 гг. М.: «Мысль», 1994. С. 294

² Краткий словарь библейских фразеологизмов. Самара: Бахрах-М, 2006. С. 142

³ Померанц Г. С. Метафизическое мужество // Вестник Европы, № 34, 2012.

настаивает на сложной диалектике чувств скорби и радости в православном мироощущении: «В “радостном” уже присутствует “скорбное”; но еще важнее для православного сознания неумаленное мистическое предвосхищение “славного” в “скорбном.” <...> Именно страсти Христовы – победа Христова»¹, что дает возможность глубже понять специфику функционирования мотивного комплекса Гефсимании в русской культуре.

Избрав для исследования поэзии середины XX века мотивный аспект, мы руководствовались фундаментальными работами И. В. Силантьева, особо – положением об инвариантности мотива «в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантности в своих событийных реализациях»². Мотивный комплекс, вслед за О. Русановой, понимается не как линейная совокупность мотивов, а как внутренне обусловленная целостная система³, основные составляющие которой определены следующим образом: мотив одиночества; мотив выбора; мотив смерти / Распятия / Голгофы; мотив обращения к Богу (молитвы); мотив жертвы (самопожертвования).

Принципиально важным на начальном этапе исследования был тезис Э. А. Радь о возможности типологии «традиционных и индивидуально-авторских контекстов и смыслов библейских вариаций»⁴. Исходная научная гипотеза предполагала существование в поэзии 1930–1940-х годов функционирования мотива моления о чаше как в традиционных, так и авторско-индивидуальных вариантах, при несомненном доминировании индивидуально-авторского, которое трансформирует и моделирует новые смыслы библейского мотива.

Методологической основой диссертации послужили работы, посвященные теории мотива и мотивного анализа (А. Л. Бем, А. Н. Веселовский, Б. М. Гаспаров, Е. М. Мелетинский, И. В. Силантьев, В. Б. Томашевский, В. И. Тюпа, О. М. Фрейнденберг, Ю. В. Шатин, В. Б.

¹ Аверинцев С. Преодоление эмоционального в переживании вочеловечивания Бога // Связь времен, К.: ДУХ. ЛІТЕРА, 2005. С. 155.

² Силантьев И. В. Поэтика мотива / отв. ред. Е. К. Ромодановская. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 96

³ См.: О. Н. Русанова. Мотивный комплекс как способ организации эпической драмы: автореф. дис. канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.

⁴ Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох: автореф. дис. д-ра филол. наук. Саратов, 2014. 45 с.

Шкловский). **Теоретико-литературной и стиховедческой** основой стали исследования С. С. Аверинцева, М. М. Бахтина, Б. М. Гаспарова, Л. Я. Гинзбург, И. А. Есаулова, В. М. Жирмунского, О. В. Зырянова, Н. Л. Лейдермана, Н. Д. Тамарченко, В. Н. Топорова, Ю. Н. Тынянова, В. И. Тюпы и др. Историко-литературный материал продиктовал необходимость обращения к работам, посвященным творчеству отдельных поэтов, а также закономерностям развития поэзии исследуемого периода: Ю. Бертнес, С. В. Бурдина, А. С. Власов, А. Г. Гачева, В. Ю. Даренский, О. А. Дашевская, В. Н. Ильин, К. И. Кривошеина, Н. Л. Лейдерман, М. А. Литовская, Д. С. Лихачев, Ю. В. Матвеева, К. В. Мочульский, И. И. Плеханова, О. Седакова, Т. А. Снигирева, Н. Струве, М. Чудакова, Л. К. Чуковская, и др. Проведение системного углубленного анализа мотива моления о чаше потребовало подключения работ богословского (Бл. Ф. Болгарский, Б. И. Гладков, В. Кинешемский, А. П. Лопухин, Е. Сиринов, А. Сурожский), философского (Н. А. Бердяев, Д. С. Мережковский, В. Соловьев, П. А. Флоренский, М. Хайдеггер, К. Г. Юнг, К. Ясперс) и культурологического (С. Аверинцев, Ю. Лотман, Э. Ренан) характера.

Материалом исследования стали произведения 1930–1940-х, в которых был обнаружен мотив моления о чаше или его составляющие: поэзия эмиграции (З. Гиппиус, Е. Кузьмина-Караваева, Б. Ю. Поплавский, Эллис, О. Анстей); подцензурная поэзия (Н. Н. Асеев, П. Г. Антокольский, А. А. Прокофьев, Э. Г. Багрицкий, В. А. Рождественский, О. Ф. Берггольц, М. Исаковский); «потаенная» (неопубликованная в годы создания) поэзия (Д. Л. Андреев, А. А. Ахматова, Б. Л. Пастернак, С. И. Липкин, М. Петровых); в том числе духовная поэзия узников ГУЛАГа (Н. Ануфриева, А. Солодовников).

Объект исследования: мотивный комплекс моления о чаше в русской поэзии 1930–40-х годов.

Предмет исследования: специфика художественного осмысления и характер функционирования мотивного комплекса моления о чаше в русской поэзии 1930–40-х годов.

Теоретическая значимость работы состоит в дальнейшей разработке методологических подходов и системы приемов целостного анализа функционирования евангельского мотива в литературе определенной эпохи.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ее результаты могут использоваться как при чтении базовых курсов по истории русской литературы XX века, так и в качестве материала к специальным курсам, посвященным рецепции библейского текста в русской поэзии. Также результаты исследования могут применяться в издательской деятельности, при составлении хрестоматий, комментариев к изданиям избранных авторов или антологий, посвященных поэзии 1930–1940-х годов.

Степень достоверности результатов обеспечивается системной библиографической работой, направленной на обнаружение мотивного комплекса моления о чаше в поэтических произведениях 1930–1940-х годов; учетом всех основных подходов к исследованию советской, «потаенной» и эмигрантской поэзии 1930–1940-х годов и способов ее интерпретации; опорой на классические и новейшие теоретические разработки, посвященные проблемам рецепции библейского текста в поэзии, а также – на совокупность фундаментальных исследований, посвященных творчеству авторов этой эпохи.

Цель исследования: путем анализа специфики художественного осмысления и функционирования мотивного комплекса моления о чаше выявить и охарактеризовать традиционные и индивидуально-авторские варианты его воплощения в русской поэзии 1930–40-х годов.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Создать суммирующее представление об имеющихся концепциях мотивного комплекса моления о чаше.
2. Собрать материал по мотиву Гефсиманского моления в поэзии XX века в целом и отобрать необходимые стихотворения исследуемого периода (1930–1940-е).

3. Определить ключевые особенности «традиционных» и «индивидуально-авторских» интерпретаций.
4. Выделить составляющие мотивного комплекса моления о чаше и проанализировать их.
5. Охарактеризовать специфику художественной рецепции и функционирования мотивного комплекса в поэзии русского зарубежья.
6. Исследовать цели и приемы обращения к мотиву моления о чаше в подцензурной советской поэзии.
7. На примере духовной лагерной поэзии проанализировать проявление мотивного комплекса моления о чаше в «потаенной литературе».
8. Показать причины и результаты актуализации отдельных составляющих мотивного комплекса моления о чаше в поэзии периода Великой Отечественной войны.
9. Представить анализ «Реквиема» А. Ахматовой и «Стихов Юрия Живаго» Б. Пастернака с точки зрения исследуемого мотивного комплекса.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В поэзии эмиграции 1930-х годов авторы обращаются к мотивному комплексу моления о чаше в соответствии с религиозной традицией, дополняя интерпретацию личным трагическим переживанием (Е. Кузьмина-Караваева), трансформируют утверждающую интонацию готовности пить чашу до дна в риторический вопрос (З. Гиппиус), апеллируют к мотиву как к знаку экзистенциального одиночества лирического героя (Б. Поплавский).
2. В подцензурной поэзии 1930-х годов мотивный комплекс моления о чаше обнаруживает разновекторные интерпретации: актуализация саркастической интонации (А. Прокофьев), сохранение традиционных составляющих мотива, но со значимой для эпохи заменой адресата

- моления (О. Берггольц, Н. Асеев), концептуальное изменение смысла и цели Гефсиманского моления мотивного комплекса (Э. Багрицкий).
3. В поэзии узников ГУЛАГа как одном из пластов «потаенной литературы» мотивный комплекс моления о чаше является доминантным и открыто ориентирован на традиционно-канонический вариант.
 4. В поэзии периода Великой Отечественной войны в мотивном комплексе моления о чаше актуализируются следующие составляющие его мотивы: смерти, распятия, жертвы, самопожертвования, выбора.
 5. В поэме А. Ахматовой «Реквием» мотивный комплекс моления о чаше сопряжен с сюжетом Распятия, центральным трагическим героем становится не Сын, но Мать.
 6. В 17-й главе романа Б. Пастернака «Стихи Юрия Живаго» лирический герой проходит путь от Гамлета (не готового принять чашу жизни) до Христа (готового пить до дна чашу смерти), совместив в себе черты рефлексии и веры.

Апробация промежуточных результатов исследования проходила на научных конференциях: Всероссийский Молодежный конвент "Многомерность общества: человек в социальном взаимодействии" (Екатеринбург, 2017), Международная научная конференция «Новозаветные образы и сюжеты в русской культуре первой трети XX века» (Москва, 2018), XIII Всероссийская научная конференция «Дергачевские чтения – 2018. Литература регионов в свете гео – и этнопоэтики» (Екатеринбург, 2018), Международная научно-практическая конференция молодых ученых «INITIUM» Художественная литература: опыт современного прочтения (Екатеринбург, 2018), Litteraterra: проблемы поэтики Русской и Зарубежной литературы (Екатеринбург, 2018), Международная научная конференция «Грехневские чтения – XII: литературное произведение в системе контекстов» (Нижний Новгород, 2018), Международная научно-

практическая конференция молодых ученых «INITIUM» Художественная литература: опыт современного прочтения (Екатеринбург, 2019).

Структура диссертации определена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы (260 поз.). Общий объем диссертации составляет 218 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, ставятся цель исследования и задачи, решение которых необходимо для ее достижения. Определяется научная новизна диссертации, ее методологическая база, теоретическая и практическая значимость, описывается степень разработанности проблемы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Мотивный комплекс моления о чаше в поэзии 1930-х годов»** исследуется функционирование мотива в разных пластах русской литературы 1930-х годов. В параграфе **1.1. «Поэзия русского зарубежья»** показана востребованность мотивного комплекса моления о чаше поэзией эмиграции. Этот комплекс осуществляет себя в двух основных вариантах – традиционном (Е. Кузьмина-Караваева) и индивидуально-авторском (З. Гиппиус, Эллис, Б. Поплавский). Гефсимания становится своеобразным показателем высоты трагедии отпадения от Родины и возможности / невозможности преодоления ее. Е. Кузьмина-Караваева непоколебима в вере, стоически приняв свой крест, она явила поэзией возможность преодоления Словом трагедии жизни. Три стихотворения З. Гиппиус, в которых сюжет моления о чаше является концептообразующим, показывают кардинальную мировоззренческую трансформацию, которая произошла за тридцать лет, во многом спровоцированную не столько умозрительными установками, сколько конкретными историческими катаклизмами: от знания необходимости испить чашу жизни / смерти до дна до трагического сомнения в непреложности прежних истин. Лирический герой Эллиса обращается к Богу, чтобы ему «дали крылья» отправиться вслед за песней, таким образом, он показывает, что

поэтически уже достиг Божьего Града, познал Перво-символ, но жизни это еще не коснулось. Его скорбное и деятельное моление (в отличие от традиционного Гефсиманского сюжета) услышано и тут же исполнено: Небеса спускаются к нему, поднимая его самого ввысь. И, наконец, Б. Поплавский выводит мотив на экзистенциальный уровень, демонстрируя бесконечное одиночество каждого человека в мире, «обытовляя» Гефсиманскую чашу, интерпретируя ее трагизм как повседневное явление. Даже «точечный» анализ мотивного комплекса моления о чаше в поэзии русского зарубежья свидетельствует о его сложности и разнообразии. Поэтическое обращение к Гефсимании и характер ее интерпретации в какой-то степени может рассматриваться как показатель той многовекторности поисков, которые характерны для всей поэзии 1930-х годов.

Основная трансформация мотивного комплекса моления о чаше в советские годы, как показано в параграфе **1.2. «Подцензурная литература»**, определена изменением адресата, поскольку «политическая религия» диктует свои законы. Так, Н. Асеев в стихотворении «Послесловие», в котором лирический герой не с просьбой, но с требованием дать ему приказ «переплавить» его, – обращается к Краматорскому заводу. Жанрово произведение совмещает в себе черты публицистического текста («Говорят, и у Круппа – твоим уступают станки, / и у Шнейдер-Крезю – не видали таких агрегатов»¹), молитвы («помоги моему неуспеху») и любовного послания («Но и чувства бывают настолько сложны и тонки, / что освоить их сможет никто – как сквозная бригада»²). А. Прокофьев вводит мотив саркастически: он ему необходим, чтобы показать *нечеловеческую*, советскую (божественную!) силу простых рабочих: «Без всякой “мольбы о чаше”, без всяких “иже еси”, / Вы дважды день обернули на крепкой его оси»³. Культовым для советской поэзии было стихотворение Э. Багрицкого «Смерть пионерки» (1932), в котором, по точному замечанию О. Лекманова и М. Свердлова, автор в роли «жреца и мистагога» приносит в жертву будущему лирическую героиню Валу. Один из

¹ Асеев Н. Стихотворения. // [сост., послеслов. и примеч. В. И. Милькова]. М.: Советская Россия, 1983. С. 149

² Там же. С. 149

³ Прокофьев А. А. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1976. С. 203

ключевых мотивов комплекса – самопожертвование – подменяется на жертвоприношение: «Чтоб земля суровая / Кровью истекла, / Чтобы юность новая / Из костей взошла»¹. Смиренное и скорбное моление о чаше матери, обращенное к умирающей дочери, противопоставлено яростной готовности Валентины идти на смерть без сомнения и страха.

Необходимо заметить, что анализ функционирования мотивного комплекса моления о чаше в официальной поэзии проводился с учетом существенной оговорки, тонко обозначенной современным исследователем: «Поэтическая личность 1930-х всегда была *гибридной* – это был проект человека, изготовленный по идеологическим рецептам, но осложненный тем или иным “вмешательством поэта”»². Факт «вмешательства поэта», обусловленный характером и типом его таланта, спецификой его поэтического мышления, не мог не входить (и порой входил) в конфликт с идеологией должного, нужного и просто лично безопасного, и этот конфликт мог разворачиваться на площадке одного текста. Так, О. Берггольц соединяет христианское мировоззрение и социалистическое, ее лирическая героиня готова в самые сложные времена оставаться верной своей изменившей до неузнаваемости лицу Родине. Одновременно она в знаменитом триптихе создает образ матери, близкий к ахматовскому: героиня, потеряв ребенка, чувствует, что «почти сошла с ума», но страдания переродили ее, дав способность говорить с тем, к кому обращается, на равных, заслужила право увековечить трагедию в Слове.

Параграф 1.3. «Духовная поэзия узников ГУЛАГа» обращен к творчеству поэтов А. Солодовникова и Н. Ануфриевой, заключение которых выпало на 1930–1940-е годы. А. Солодовников был человеком глубоко верующим, страшные события, предшествующие каторге (смерть родителей и двух детей во время голода в Москве), принимаются им с истинно Гефсиманским смирением: «Из рук Твоих любую муку / Покорно, господи,

¹ Багрицкий Э. Г. Стихотворения и поэмы. М.: Московский рабочий, 1984. С. 238

² Круглова Т. А. Советская художественность, или нескромное обаяние соцреализма / Т. А. Круглова. – Екатеринбург: Гуманит. ун-т, 2005. С. 9.

приму»¹. Пожалуй, самой жизнеутверждающей интерпретацией Гефсиманского моления во всей поэзии 1930–1940-х годов можно считать стихотворение «Решетка ржавая, спасибо», в котором лирический герой благодарит за выпавшие на его долю страдания: «Запоры крепкие, спасибо! / Спасибо, лезвие штыка! / Таковую мудрость дать могли бы / Мне только долгие века»². Особенно значимы в произведении мотивы сада и образы природы, характерные для евангельской истории: птицы, деревья, небо, цветы. Несмотря на изображение жестокой лагерной действительности, Солодовников находит утешение в памяти природы, в ней он видит Божье заступничество. Отдельно стоит отметить и Богородичную тему в творчестве автора: Дева Мария его волею находится в своем метафизическом Гефсиманском саду, призванная помочь выпить чашу испытаний до дна: «И на врачующую муку / Идешь и нас сопровождать»³.

Более сложный путь к Гефсиманскому смирению прошла Н. Ануфриева: от «Как больно знать, что нет совсем предела / Тому, что может вынести душа»⁴ до «Путь страшный люблю горячо я / И с этой любовью умру...»⁵. Смирение приходит к поэтессе в процессе творчества и заключения, лейтмотивные образы горения, молчания, дороги приобретают христианские коннотации, а свой путь она начинает оценивать и принимать как единственный возможный путь, путь на Голгофу. Анализ духовной поэзии позволил сделать вывод о том, что интерпретация мотивного комплекса моления о чаше в поэзии ГУЛАГа самая традиционная. Лагерные поэты столкнулись с настоящим испытанием на веру, поэтому для них Гефсиманское моление Христа было не метафорическим изображением выбора, а ежедневной реальностью. Обращение к евангельскому сюжету обусловлено биографически, но трактовка – это плод духовной работы, результат искренней веры, что

¹ Солодовников А. Слава Богу за все! // Кормчий, 1996, №2

² Поэзия узников ГУЛАГа: антология / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. С. С. Виленский. М.: МФД: Материк, 2005. С. 516

³ Солодовников А. Слава Богу за все! // Кормчий, 1996, №2

⁴ Ануфриева Н. История одной души. Стихотворения. Поэмы / сост., подг. текстов: Е. Данилов, Е. Арент, Д. Лосев. Феодосия; М.: Изд. Дом Коктебель, 2009. С. 253

⁵ Поэзия узников ГУЛАГа: антология / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. С. С. Виленский. М.: МФД: Материк, 2005. С. 319

объясняет тот глубинно христианский посыл, которым проникнуты стихотворения А. Солодовника и Н. Ануфриевой.

Во второй главе **«Мотивный комплекс моления о чаше в поэзии периода Великой Отечественной войны»** меняется оптика исследования: в ней рассмотрены основные составляющие мотивного комплекса при учете принадлежности поэта к трем формам существования литературы анализируемого периода. Центром становятся вопросы усиления востребованности библейского сюжета в военные годы, что, несомненно, обусловлено той трагической ситуацией, когда вся страна и отдельный человек оказались перед лицом гибели. С этой точки зрения, пафос поэзии времен войны определяется сложным сочетанием двух разнонаправленных устремлений: человек, как и весь воюющий народ, должен быть готов пожертвовать собой ради других, совершить подвиг, что одной стороны рождает чувство единения, соборности, а с другой – вызывает острое ощущение «пороговой ситуация» между жизнью и смертью.

В параграфе **2.1. «Мотив смерти / распятия»** основное внимание сосредоточено на поэзии О. Анстей, П. Антокольского и О. Берггольц. Показано, что мотив смерти превращает моление о чаше у О. Анстей – в панихиду по еврейскому народу, который распинается на христианской Голгофе. Для П. Антокольского чаша смерти – это чаша проверки, чаша искусства, которую каждый советский человек обязан (!) без сомнения выпить до дна. В поэзии О. Берггольц мотив смерти представлен не только как образ распятия («доска в гвоздях – как будто часть распятия, / большой обломок русского креста»¹), но и как мотив испытания на истинность веры. В стихотворении «Разговор с соседкой» очевидна параллель между судьбой России и судьбой Христа, но с существенной поправкой: Родина не в одиночестве в Гефсиманскую минуту, ее «ученики» страдают вместе с ней.

¹ Берггольц О. Избранные произведения в двух томах. Стихотворения и поэмы. Л.: Художественная литература, 1967. 2 т. С. 163

В параграфе **2.2. «Мотив жертвы / самопожертвования»** продолжен анализ поэзии О. Берггольц в годы войны. Показано, что в поэме «Памяти защитников» (1944) атмосфера глубоко экзистенциального одиночества («Как одинок убитый человек / На поле боя / Стихшем и морозном»¹) преодолевается сюжетом со-распятия, а моление о чаше выражено не в явном обращении, не в просьбе об изменении судьбы, а скорее в общем пафосе и главной цели моления – принять свой крест и нести его до конца, жертвуя собой.

Завершает параграф анализ примеров канонического и оппозиционного к традиционному осмысления мотива жертвы / жертвоприношения. Лирический герой Д. Андреева молит: «Учи принимать чашу мук – как причастье, / а тусклое зарево бед – как лучи!»², он готов принести себя в жертву ради будущего людей, и убежден в том, что самопожертвование свершается во благо всего народа. В стихотворении М. Исаковского «1943-й год», открыто конфликтного традиционному прочтению, осуществлен призыв заставить врага пить до дна «чашу смерти». самопожертвование становится жертвоприношением, которое необходимо народу, чтобы почувствовать торжество победы. Чаша смерти из экзистенциального образа выбора судьбы превращается в орудие убийства врага.

Третьему актуализированному военным временем мотиву Гефсиманского комплекса посвящен параграф **2.3. «Мотив выбора»**, где центральным становится анализ творчества М. Петровых и С. Липкина, поэтов, которым, на первый взгляд, было сложнее других оставаться своевременными и актуальными: их ценности (религиозность, интеллигентность, скромность и др.) принадлежали другой «вневременной» духовной системе координат. М. Петровых в начале войны сосредоточена на состоянии одиночества и отстраненности, но уже в 1943 происходит явственное изменение позиции: лирическая героиня ощущает единство с народом (показательно появившееся местоимение «мы»), осознанно выбирая новую судьбу: «Лишь в грозный год

¹ Там же. С. 181

² Андреев Д. Русские боги. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1989. С. 145

народных бедствий / мы осознали нашу цель. / Мы тридцать лет росли как дети,
/ Но стали взрослыми теперь»¹. Соединение интонации молитвы и плача подчинена пронзительной догадке: Гефсиманскую чашу судьбы можно не только испить, но и «выплакать до дна».

Стихотворение С. Липкина «Беседа» близко к покаянию, которое сопровождается перечислением грехов: жажда славы, маловерие, ослепление страстью, каждый из которых сам по себе «не страшный губительный грех», они не разрушают душу так, как главный с точки зрения того, к кому обращены покаянные слова. «Смертным грехом» становится лукавство перед людьми и – главное – самим собой. Самообман, которым жил герой на протяжении жизни, лукавство не только с Богом, но и с самим собой преодолевается его обозначением, «называнием» – «Был я чашей грехов, и не вспомнить мне всех»², то есть самим Словом, и тем заслуживает «отпущение грехов». Глубокая саморефлексия, оформленная как напряженный диалог с самим собой, точнее – с Богом внутри себя, позволила поэту дерзновенно соединить понятие «человек» с образом Библейской чаши. Прийти к осознанию своей греховности, найти мужество в признании ее – это и есть смысл «испития чаши», то есть познания самого себя. Экзистенциальная ситуация выбора между жизнью и смертью, помилованием и невозможностью получить прощение, одиночеством и разделением судьбы с народом является главной составляющей трактовки Гефсимании М. Петровых и С. Липкина.

В третьей главе **«Мотивный комплекс моления о чаше в поэме “Реквием” А. Ахматовой и в “Стихах Юрия Живаго” Б. Пастернака»** рассматриваются произведения, в которых мотивный комплекс является концептообразующим. Параграф **3.1. «Богоматерь в Гефсиманском саду»** посвящен книге «Реквием», в эпиграфе к которой начинает звучать одна из ведущих тем – соединение жертвенного пути поэта и его народа: «я была тогда с моим народом»³. От I главы до IX разворачивается Гефсиманское моление от

¹ Петровых М. Избранное. М.: Художественная литература, 1991. С. 38

² Липкин С. И. Письмена. Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1991. С. 30

³ Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы. М.: ЭКСМО, 2006. С. 351

лица матери: она «стрелецкой женкой» воет над тем, кого уводят на казнь; она говорит о себе в третьем лице, потому что отстранение помогает пережить боль; она обращается к прошлому, чтобы ее не мучили воспоминания о пережитых страданиях; она пророчит себе смерть («И скорой гибелью грозит / Огромная звезда») и наконец, просит, чтобы та явилась. В предкульминационной главе героиня обратится к безумию, чтобы оно лишило ее воспоминаний и разума, однако и эта просьба останется не услышанной. В эпиграфе к последней, X главе поэмы используется стихира из Канона на Великую Субботу («Не рыдай мене, Мати, зрящи во гробе»), но цитата дана принципиально неточно¹: «Не рыдай мене, Мати, во гробе зрящи», что актуализирует «семантику смертности» и отсылает к иконописной традиции, в которой Богоматерь, снимая Спасителя с креста, оказывается в центре полотна, как бы сама распятая вместе с ним / вместо него. Глава «Распятие» разделена на две части: торжественное страдание Спасителя с прямыми отсылками к Гефсиманскому молению и страдания Матери, испившей свою чашу горя и «окаменев от горя», не испытав просветления, – оставшейся в ситуации Гефсиманской богооставленности и одиночества. Так рождается ощущение физической невозможности поднять глаза на лицо, на котором уже блуждает улыбка безумия²: «А туда, где молча Мать стояла, / Так никто взглянуть и не посмел»³. Согласно А. Ахматовой страдания ее равновелики страданиям сына, но трагедия Матери XX века безысходнее, так как она отдает Сына на смерть не во имя спасения человечества, а во мрак, пустоту, бездну. Жертва ее напрасна.

В параграфе 3.2. «Юрий Живаго: от Гамлета к Христу» показано, что мотивным комплексом Гефсимании пронизана вся 17-я глава романа: «чашей горечи», «гибельным шагом» становится любовь, которую требуется испить до дна. Любовь, природа, вдохновение, история – все в жизни доктора Живаго

¹ Выписка в «Записных книжках» свидетельствует о знании А. Ахматовой точной цитаты.

² См.: Серова М.В. Улыбка одна // Серова М.В. Анна Ахматова: Книга Судьбы (феномен "ахматовского текста": проблема целостности и логика внутривидовых взаимодействий). Ижевск; Екатеринбург, 2005. с.123 - 132.

³ Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы. М.: ЭКСМО, 2006. С. 377

становится Гефсиманской чашей, восхождением на Голгофу, которые он принимает неукоснительно как долг и судьбу. Открывается евангельская часть цикла стихотворением «Рождественская звезда», где радостная и светлая атмосфера вочеловечивания проникнута будущей Гефсиманской тревогой («холодно было младенцу», «все злей и свирепей дул ветер из степи»). Стихотворение «Рассвет» может быть соотнесено с Крещением, когда герой «оживает от обморока», соединяется с людьми, переживает с ними чувство обновления истории. Три последующих стихотворения соотнесены с последними сюжетами земного пути Спасителя: проклятие смоковницы – «Чудо», Тайная вечеря – «Земля», дни перед распятием – «Дурные дни». Микроцикл «Магдалина» посвящен молению героини, в котором она «дорастает» до Воскресения, смиряется с ним, принимает его благодаря силе любви. Финальное стихотворение «Гефсиманский сад» окончательно освобождает героя от «полученной взаймы» природы, остается только истинное: герой искушаем, как и любой смертный, он отказывается от «всемогущества и чудотворства», как от наносного, лишнего, но история, и это главное, начинает вершиться по его Слову: «Сейчас должно написанное сбыться, / Пускай же сбудется оно. Аминь»¹. Путь от Гамлета к Христу совершает человек, который всю жизнь был не готов пить чашу до дна, но испил ее. Внешне проигравший, опозоренный, погибший, он побеждает и власть, и время, и смерть. Завершающая роман поэтическая глава отмечена «евангельской мудростью» и тем «горчайшим Гефсиманским вздохом», о которых писала А. Ахматова в стихотворении, посвященном Б. Пастернаку.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, в котором показаны особенности функционирования мотивного комплекс моления о чаше в поэзии 1930–1940-х годов. Взятая за основу классификация использования библейских сюжетов в литературе, предложенная Э. Радь, претерпела определенные уточнения. Выделены безусловно традиционные интерпретации религиозных авторов (Е. Кузьмина-Караваева, Н. Ануфриева, А. Солодовников, Д. Андреев),

¹ Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 641

индивидуально-авторские интерпретации, которые можно разделить на условно-традиционные, близкие первоисточнику по духу, не искажающие главные составляющие мотивного комплекса (О. Берггольц, П. Антокольский, С. Липкин, М. Петровых, Эллис) и нетрадиционные, вступающие в конфликт с евангельским сюжетом (Э. Багрицкий, С. Прокофьев, М. Асеев, М. Исаковский).

Особое место в литературе 1930–1940-х годов и, как следствие, в исследовании занимают поэтические трактовки А. Ахматовой и Б. Пастернака. «Реквиему» и семнадцатой главе романа «Юрий Живаго» присуще резко индивидуальные интерпретации мотива моления о чаше. Ахматова, сознательно меняя текст Пасхальной стихир, подчеркивает в X главе поэмы, что центральным образом христианской истории для нее становится Мать. От ее лица пишется новая история земных «страстей Христовых», в ее голосе звучит голос «стоимильонного народа», и главное – именно ей принадлежит полное сомнений и одиночества моление в Гефсиманском саду, в котором она потом и «упокоится». Пастернак оставит главным героем христианской истории Христа, но даст свое прочтение его человеческой жизни, соединяя жизнь Спасителя с жизнью поэта Юрия Живаго, он оставит в нем преобразующее творческое начало и умение чувствовать («освободить») историю. Поэтому так важно сближение образа Христа с трагическим образом Гамлета. Гефсиманское состояние одиночества и сомнений, по Пастернаку, длится не одно мгновение, а всю человеческую жизнь от рождения до смерти.

Эпоха 1930–1940-х годов оказалась подчеркнута Гефсиманской не только по количеству обращений, но и по многогранности трактовок и интерпретаций, поэтических осмыслений сюжетно-мотивного комплекса моления о чаше.

Основное содержание диссертации отражено в 10 публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ:

1. Граматчикова М. О. (Баруткина М. О.) Гений места: Максимилиан Волошин и Киммерия // Известия Уральского Федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2014. № 3 (130). С. 114–121. (0,4 п. л.).

2. Граматчикова М. О. (Баруткина М. О.) Мотив моления о чаше в лирике русского зарубежья 1930-х годов // Филологический класс. Екатеринбург: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2018. № 3(53). С. 130–135 (0,4 п. л.).

3. Граматчикова М. О. (Баруткина М. О.) Мотив моление о чаше в советской поэзии 1930-х годов // Известия Уральского Федерального университета. 2018. Сер. 1. №4. С. 59–66 (0,4 п. л.).

4. Граматчикова М. О. Снигирева Т. А. Мотив моления о чаше в поэзии узников ГУЛАГа // Известия Уральского Федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2021. №1(203). С. 116–126 (0,4 п. л.)

Публикации в других изданиях:

5. Граматчикова М. О. (Баруткина М. О.) Мотив моления о чаше в поэме Анны Ахматовой «Реквием» // Грехневские чтения: литературное произведение в системе контекстов: сборник статей. – Вып. 8. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2019. С. 11–19 (0,4 п.л.).

6. Граматчикова М. О. (Баруткина М. О.) Мотив моления о чаше в цикле стихотворений Юрия Живаго («Гамлет») // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сборник статей. Екатеринбург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина", 2019. С. 163–167 (0,2 п.л.).

7. Граматчикова М. О. (Баруткина М. О.) Мотив моление о чаше в русской поэзии периода Великой Отечественной войны // УРАЛЬСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. № 5. С. 82–91 (0,5 п.л.).

8. Граматчикова М. О. (Баруткина М. О.) Мотив "моление о чаше" в поэзии 1930 -1940х: к постановке вопроса // LITERATERRA: Материалы VII Международной конференции молодых ученых. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018.С. 214–218 (0,3 п.л.).

9. Граматчикова М. О. (Баруткина М. О.) Символика огня в цикле «Неопалимая купина» М. А. Волошина в диалоге с классикой (Ф.М. Достоевский и Ф. И. Тютчев). // LITTERATERRA-2016. Материалы V Международной конференции молодых ученых. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО "Урал. гос. пед. ун-т", 2016. С. 234–243 (0,4 п. л.).

10. Граматчикова М. О. (Баруткина М. О.) Достоевский и Волошин: религиозно-мировоззренческий диалог классиков // XVII Волошинские чтения. Сборник статей международной научно-практической конференции «Вселенная свободы и любви...». Симферополь: Антиква, 2016. С. 294–302 (0,4 п. л.).